

УДК 94(470)“17”

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ГОСУДАРЯ В РОССИИ И ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Н.В. РЫБАЛКО*Волгоградский государственный
университет**e-mail: rybalko_n@mail.ru*

Выборы государя в сложный для России период Междуцарствия 1610-1613 гг. стали настоящим испытанием для сформировавшихся центров земского самоуправления – ополчений. В статье последовательно рассматриваются возможные кандидатуры на престол и те обстоятельства, в которых происходило их выдвижение.

Ключевые слова: Россия, выборы государя, Смутное время, Междуцарствие, земское самоуправление, Михаил Романов, королевич Владислав, Сигизмунд III, королевич Карл Филипп.

Избрание в 1613 г. первого царя династии Романовых, Михаила Федоровича, стало главным рубежом для преодоления Смуты. По официальной версии, закрепленной в «Утвержденной грамоте» и «Новом летописце», выборы прошли единогласно на Земском соборе 21 февраля 1613 г. На самом деле, вопрос не столь однозначен. Споры о возможных претендентах на российский престол в сложный для России период Междуцарствия стали главной причиной раскола русского общества. Альтернативой не всегда объективным повествовательным источникам являются акты, вышедшие из-под пера непосредственных участников событий.

Ключевым моментом для «безгосударья» является насильственное пострижение царя Василия Шуйского в июле 1610 г. Отсюда можно вести счет возможным претендентам на освободившийся русский престол.

Претендент 1: князь Василий Васильевич Голицын. Был одним из главных организаторов заговора против В. Шуйского и, кстати, против Лжедмитрия I. Однако прямых свидетельств о намерениях В.В. Голицына воцариться, нет. Многие исследователи, цитируя «Новый летописец» (якобы П. Ляпунов «думу имел ... на князя В.В. Голицына»), допускают ошибку. Смысл фразы другой: «умысел его был на царя Василия со князем Василием Голицыным и с иными бояры»¹. О воцарении речи нет.

Второе свидетельство. В грамоте от 20 июля 1613 г. от польских и литовских панов боярам Московского государства говорится, якобы В.В. Голицын, будучи главой смоленского посольства, настроил патриарха Гермогена и П. Ляпунова против короля Сигизмунда III, рассылал «неправдивые грамоты», «умыслив сам быти вашим великим государем». По мнению В.Н. Козлякова, В.В. Голицын действительно имел самые вероятные права на престол в случае отстранения Василия Шуйского². Но зная истинное намерение Сигизмунда III, нельзя напрямую воспринимать слова поляков. В любом случае, возможным надеждам занять место государя не суждено было оправдаться, ибо бояре боялись повторения ситуации, как при Б. Годунове или В. Шуйском, – когда избрали первого среди равных. По мнению П.О. Горбачева, кандидатуру В.В. Голицына, как и других соискателей трона, провалил глава Боярской Думы, Ф.И. Мстиславский³.

Официально отстранение В. Шуйского расценивали как вынужденную меру – он окончательно потерял доверие как правитель, лилась кровь, страна раздиралась на части, необходимо было наводить порядок и преодолевать Смуту. Именно эти объяснения зву-

¹ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку кн. Оболенского. М., 1853. С.118.

² Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 291, 324; Сб. РИО. Т.142. М., 1913. С. 395.

³ Горбачев П.О. Прокопий Ляпунов и правительство Василия Шуйского в 1610 г. // Мининские чтения: сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н.Новгород, 2012. С. 64.

чали из уст бояр и содержались в крестоцеловальной записи с приглашением на российский престол польского королевича Владислава в августе 1610 г.⁴

Претендент 2: королевич Владислав. Это был великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, самогитский, ливонский, а также наследный король шведов, готтов, вендов, старший сын польского короля Сигизмунда III, 15-и лет от роду. Еще 4 февраля 1610 г. между Боярским правительством и Сигизмундом III под Смоленском был заключен договор, по которому Владислав должен был занять русский престол после крещения в православие⁵. Именно этого ожидали бояре, тем более что Сигизмунд III регулярно посылал грамоты, достаточно однотипные по содержанию, уверяя, что «не для запустошенья государства Московского и не для разоренья святых церквей Господних пришли», а «добра желаем» – прекратить Смуту и кровопролитие⁶.

Слова Сигизмунда III расходились с делом. Смоленское посольство после неудавшихся переговоров было отправлено в польский плен. Королевича на российский престол не присылали, ссылаясь то на волнения в стране, то на непросохшие дороги, то на болезнь Владислава⁷. Несмотря на это московские бояре сохраняли верность своей присяге Владиславу. По замечанию Б.Н. Флоры, избрание польского принца должно было стать своеобразной платой за прекращение интервенции, сохранение территориальной целостности России и помощь со стороны Речи Посполитой в борьбе с Лжедмитрием II⁸.

Но и в январе 1612 г., в грамотах в Кострому и Ярославль, бояре призывали жителей городов вспомнить о присяге польскому королевичу. «И служити б все нам и вам их царскому благородному корени, которой из давних лет их государской корень на великих и преславных государствах видетца, а не к вором приставати»⁹. Царское происхождение Владислава имело большое значение.

Так же бояре высказывали опасение по поводу слабости внешних границ государства, «пребывавшего в разорении и смуте», которое «со всех сторон неприятели рвут». «А как ... великий государь наш царь и великий князь Владислав Жигимонтович всея Руси самодержец будет на своем царском престоле, на Московском государстве и на всех великих и преславных государствах Российского царствия, а отец его ... король ...будет на короне польской и на великом княжестве литовском, ... и на всяких недругов стояти будем заодин, и против таких великих государей кто может постояти?»¹⁰

Претендент 3: польский король Сигизмунд III. Нет сомнений, что в планы Сигизмунда входило присоединение Московского государства к Речи Посполитой. Владислав был первым претендентом на польскую корону и для его отъезда в Россию требовалось согласие сейма. Для проведения сейма Сигизмунду III нужно было выехать в Польшу, но в условиях продолжающейся осады Смоленска это было затруднительно: смоляне не подчинялись указам Боярского правительства сдать город. Сигизмунд III к осени 1610 г. все настойчивее склонял бояр и дворян к присяге себе, раздавая земли и чины, обещая и выдавая жалованье из царской казны Московского государства. Он прямо называл события в России «московской войной» и не стеснялся обсуждать свои успехи. К примеру, в ответе генералу Ордена иезуитов Клаудио Аквавиве 22 сентября 1611 г., поздравлявшего его с успешным взятием Смоленска, король благодарил за благочестивые пожелания и напутствия предпринятой им войной против врагов католической церкви. А в послании Римскому Папе 16 октября 1611 г. писал: «Постараюсь внести святую католическую веру и в княжество Северское, распространяя пределы католической веры вместе с пределами моего королевства»¹¹. Не остается сомнений, что в намерение Сигизмунда III входило не что иное, как «расширение коронных границ».

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее: СГГД): в 4 ч. Ч. 2. М., 1819. №203. С. 439-440.

⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.4. СПб., 1851. №180. С. 314-317.

⁶ СГГД. Ч.2. №235. С. 504-506; №243. С. 521-523; №255. С. 540-541.

⁷ СГГД. Ч.2. №286. С. 607.

⁸ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 210.

⁹ СГГД. Ч.2. №276. С. 581.

¹⁰ СГГД. Ч.2. №277. С. 586.

¹¹ Акты времени Междоусобия // Смутное время Московского государства. М., 1915. Вып. 3. Разд. II. №3. С. 109; №7. С. 117.

Как ни удивительно, но после взятия Смоленска летом 1611 г. Сигизмунд III получил поздравления и от московского Боярского правительства: «о том, что Вам, великим государем, над непослушники вашими подал Бог победу и одоление, Богу хвалу воздаем и вас, великих государей на ваших преславных и на прибылых государствах поздравляем»¹². Что же происходило в это время в России, и какова была реакция на действия Семибоярщины?

В стране нарастал общенародный протест и начало его – декабрь 1610 г. Окольничий и боярин М. Салтыков и Ф. Андронов, позже названные главными изменниками, а также Ф. Мстиславский «перед Николиным днем в пятницу»¹³ приходили к Патриарху Гермогену с уговорами о присяге Сигизмунду, но тот им отказал, за что «хотели патриарха зарезать». Патриарх в соборной церкви призывал «крест корю не целовать»¹⁴. В отсутствие царя его благословение играло главную роль.

Претендент 4: Лжедмитрий II. Преодолев кризис в Тушине и спад популярности, в июле 1610 г. в Коломне самозванец стал активно собирать новые силы для похода на Москву и приобретать сторонников: самозванный, но русский претендент был предпочтительнее польского короля. Уже после его убийства 11 декабря 1610 г., в «понизовых» городах, Казани, Перми, куда вести приходили с опозданием, целовали крест «царю Дмитрию» в январе и феврале 1611 г. В это время началась активная переписка между городами – пересылали грамоту смолян о причиняемых Сигизмундом бедствиях и окружную грамоту московских жителей с призывом «соединиться общими силами против врагов веры и отечества»¹⁵.

Речи Патриарха также содержали призыв идти в сход к Москве, за православную веру и «за Московское государство всею землею стояти вместе заодин и с литовскими людьми битись досмерти», «а хто умрет, будут новые страстотерпы»¹⁶. С грамот были сделаны списки и разосланы в Великий Новгород, на Вологду, в Нижний Новгород, Калугу, Тулу, «сиверские», «украинные» и другие города¹⁷.

Кого же хотели на царство, судя по тексту этих документов? Рассуждения были следующие: 1) Сигизмунд III не даст своего сына на царство, 2) не позволит обратить его в православие, как было оговорено первоначально в крестоцеловальной грамоте московских бояр и 3) выведут всех лучших людей и опустошат землю, 4) будут владеть всей землей Московской, так как «все люди в Польше и Литве не допустят, чтоб дать королевича на Московское государство мимо своего государства». Призыв – «стоять за православную веру», против «перемены веры в латинство» и «погубления людей», «быть заодно, против врагов общих».

В крестоцеловальной записи говорится: «Королю польскому и литовскому креста не целовати ... А кого нам на Московское государство и на все государства Российского царствия государя Бог даст, и нам ему, государю, служите, и прямити, и добра хотети во всем вправду по сему крестному целованью»¹⁸. Эту формулу мы видим во всех документах периода сбора Подмосковного и Нижегородского ополчений.

Претендент 5: шведский королевич Густав Адольф. В. Берх считал, что инициатива приглашения на русский престол шведского королевича принадлежит П. Ляпунову (июнь 1611 г.)¹⁹ По мнению Г.А. Замятина, «кандидатура шведского королевича была делом Деллагарди, Бутурлина и Ляпунова» и впервые данный вопрос был поднят при переговорах с Деллагарди летом 1611 г.²⁰ И. Шепелев опроверг данные суждения и доказал, что вопрос о шведском королевиче на русский престол возник еще в декабре 1610 г. при со-

¹² СГГД. Ч.2. №263. С. 550.

¹³ По Святцам Николин день – 6 декабря (в 1610 г. – четверг), пятница перед четвергом – 30 ноября.

¹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук (далее: ААЭ): в 4 т. СПб., 1836. Т.2. №170(2). С. 292.

¹⁵ ААЭ. Т.2. №170(1). С. 291; №171. С. 294; СГГД. Ч.2. №226. С. 493-495; №227. С. 495-496.

¹⁶ СГГД. Ч.2. №228. С.4 98; №241. С. 517-519.

¹⁷ СГГД. Ч.2. №226. С. 493-495.

¹⁸ ААЭ. Т.2. №179. С. 307-308.

¹⁹ Берх В. Царствование царя Михаила Романова и взгляд на междуцарствие: в 2 ч. Ч.1. СПб., 1832. С. 72-73.

²⁰ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611-1616). Юрьев, 1913. С. 18.

гласовании с Карлом IX, который еще в 1606 г. обещал новгородцам «оказать содействие в избрании собственного, от Москвы независимого правителя»²¹.

В феврале 1611 г. до Сигизмунда III дошли слухи, о чем писал московским боярам: «... о псковичах, и о ивангородцах, и о иных городах, которые при немецких рубежах ... хочет их прельстить Яков Пунтосов Арцы Карлов сын»²².

В то же время, в послании игумена Соловецкого монастыря Антония к Карлу IX от 12 марта 1611 г. сообщается, что на совете собравшиеся со всех городов под Москву люди «стоят единомышленно на литовских людей, а хотят выбирать на Московское государство царя и великого князя из своих прирожденных бояр, ... а иных иноверцев никого не хотят». Ту же позицию заняли в монастыре, Сумском остроге, Поморской области²³.

В ответной грамоте московских бояр Сигизмунду III уже в июне 1611 г., сообщалось о намерении шведского Короля Арцы Карло, «сопереживавшего разорению Московского государства», дать на царство своего сына и крестить его в греческую веру на границе, и помощь оказать Московскому государству – изгнать польских и литовских людей и прекратить разоренье. Бояре также писали, что эта весть очень обрадовала «государских изменников» (собравшихся под Москвой ратных людей), и те стали «отправлять послов к шведскому королю и звать его для военной помощи»²⁴.

1 (11) июля 1611 г. был подписан договор Новгорода с Яковом Делгарди: «Утверждаем договор в верности и повиновении ... королю Карлу, его преемникам, и сыну его, будущему повелителю нашему, хотя бы Владимирское и Московское государства на то не согласились»²⁵.

По стране пошли противоречивые слухи. Так, в отписке из Сумского острога от воевод Максима Лихарева и Захария Беседного к шведским воеводам 20 августа 1611 г. идет речь о прекращении намерений вести военные действия, так как «на Московское государство уже избрали шведского королевича и к королю Карлу отправлены послы стольник, князь Иван Федорович Троекуров с товарищи»²⁶. Действительно, от Прокопия Ляпунова было отправлено посольство в Новгород к Якову Делегарди для обсуждения возможного развития ситуации, но шведы предъявили территориальные претензии и соглашение не состоялось. После скорострительной смерти короля Карла IX в октябре 1611 г., Густав Адольф занял его место.

Претендент 6: шведский королевич Карлус Филипп. Из Великого Новгорода к Д. Пожарскому писали, что будет в Новгород вскоре королевич Карлус Филипп, второй сын Карла IX. Также предложили призвать королевича и на Московское царство, так как «у них от немецких людей православным христианам разоренья и порухи нет, живут безо всякой скорби». Дмитрий Пожарский стоял на своем: нужно собраться на совет, «как против польских и литовских людей стоять и как в нынешнее злое время безгосударным быть, выбрать бы нам государя всею землею, кого Бог даст»²⁷. Интересно, что королевичу в 1611 г. было всего 10 лет.

Часто исследователи высказывают суждение, якобы Дмитрий Пожарский приглашал шведского королевича на престол. Сохранившийся актовый материал не дает повода сомневаться в политических приоритетах Дмитрия Пожарского. Из документа в документ проходит одна линия, та, которая показана в отписке нижегородцев к вологжанам, написанной от имени князя Д. Пожарского в феврале – марте 1612 года: призыв снова собраться всей землей против польских и литовских людей для освобождения столицы. А по поводу царя сказано: «Просити у Бога ... чтобы нам дал на Московское государство государя благочестивого и подобного прежним природным государям», «и как

²¹ Шепелев И.С. Шведская интервенция в России в 1610-1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения // Шепелев И.С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия: в 2 т. Т.1. Волгоград, 2012. С. 169-170.

²² СГТид. Ч.2. №235. С. 504-506.

²³ ААЭ. Т.2. №180. С. 308.

²⁴ СГТид. Ч.2. №263. С. 549-552.

²⁵ СГТид. Ч.2. №264. С. 563.

²⁶ ААЭ. Т.2. №193. С. 242.

²⁷ СГТид. Ч.2. №281. С. 596.

будут все понизовые и верховые города в сходе вместе, и мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст»²⁸.

19 мая 1612 г. из Новгорода от новгородского митрополита Исидора и от боярина князя И. Одоевского в Ярославль князю Д. Пожарскому были направлены две отдельные грамоты, где речь идет о том, что в Новгородском государстве подписаны утвержденные грамоты на царство сына шведского короля Карла IX, как и где ему в православную веру креститься, как защищать государство от врагов и управлять престолом. «И вы ... пошлите к великому государю к Карлу королю ото все земли послов ... чтоб вам быти всем с нами под одним крестьянским государем по прежнему» – писалось в грамоте²⁹. Того же 19 мая 1612 г. был составлен документ от Я. Делагарди Д. Пожарскому с предложением переговоров о земском деле³⁰. Е.И. Кобзарева, анализируя сохранившуюся их переписку, склонная рассматривать намерение Д. Пожарского признать власть шведского королевича как реальное³¹. Здесь можно, скорее согласиться с утверждением Р.Г. Скрынникова, что все мирные переговоры со стороны Д. Пожарского были лишь сложной дипломатической игрой во избежание военных столкновений со Швецией. К тому же, в случае утраты Севера, Ярославское ополчение лишилось бы главной базы снабжения³².

В отношении шведского королевича Д. Пожарский выражал сильное опасение, чтобы не повторилась ситуация, как с сыном Сигизмунда III. Здесь тоже были обещания отпустить сына «по летнему пути», но лето было в разгаре, а королевич в В. Новгород не ехал. В отписке к Новгородскому митрополиту Исидору от 26 июля 1612 г. Д. Пожарский прямо об этом и писал, отмечая, что «как королевич Карло Филипп в Великий Новгород приедет, и мы тотчас пошлем к нему послов изо всяких чинов людей со всем с полным договором»³³.

В окружной грамоте в Путивль Д. Пожарский упомянул о полученном из Новгорода документе, но не высказал намерения призвать королевича, а только снова призвал собраться на совет, «как против польских и литовских людей стоять, и как в нынешнее злое время безгосударным быть, выбрать бы нам государя всею землею, кого Бог даст»³⁴.

Претендент 7: «Воренок». В августе 1611 г., после кризиса в ополчении П. Ляпунова, пошла новая волна слухов об «истинных» царях. В полках появилось намерение поставить на царство "Маринкина сына", называли его даже Иваном V. Патриарх Гермоген в обращении к нижегородцам, полученном 25 августа 1611 г., призвал, чтоб на царство «Маринкина паньина сына не благословляли – проклят он». Об этом Патриарх просил отписать в Казань, в полки, к казацкому войску, на Вологду и в Рязань³⁵.

В Казани получили отписку нижегородцев уже 30 августа 1611 г. вместе со списком с патриаршей грамоты, и приговорили с митрополитом Казанским и Свияжским и «со всею землею Казанского государства на царство ... по казачью выбору проклятого Маринкина сына не хотеть ... а выбрать на Московское государство государя, сослався со своею землею, кого нам государя Бог даст». 10 октября отписка была получена в Перми³⁶.

В грамоте бояр в Ярославль в конце января 1612 г. сообщается, что «Иван Заруцкий с товарищи государя себе обирает, по своей воровской воле таких же воров казаков, называя государскими детьми калужского вора сына»³⁷.

9 февраля 1612 г. в Курмыш Смирному Васильеву пришла грамота от казанских дьяков Никанора Шульгина и Степана Дичкова с приказанием не верить арзамасской отписке, которую писали князь Иван Путятин и Степан Козадавлев, так как в Арзамасе «стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилецких всяких людей и животов по-

²⁸ ААЭ. Т.2. №201. С. 338-341.

²⁹ СГГД. Ч.2. №278. С. 589; №279. С. 589-591.

³⁰ СГГД. Ч.2. №280. С. 591-592.

³¹ Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 199-242.

³² Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2007. С. 234.

³³ Подвиг Нижегородского ополчения: в 2 т. Т.1. Н. Новгород, 2011. №123. С. 237-242.

³⁴ СГГД. Ч.2. №281. С. 596-597.

³⁵ СГГД. Ч.2. №268. С. 567-568.

³⁶ ААЭ. Т.2. №194. С. 332-333.

³⁷ СГГД. Ч.2. №277. С. 585.

бывают и вешают, на пытках пытаются, и огнем жгут, и заводят воровство, и ворихе Маринке и ее сыну хотели крест целовать»³⁸.

Самозванческую интригу вместе с Мариной Мнишек развивал Иван Заруцкий в Астрахани, уже после воцарения Михаила Романова.

Претендент 8: Лжедмитрий III. В послании архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия к князю Д. Пожарскому сообщается, что 2 марта 1612 года Иван Плещеев с товарищами затеяли под Москвою в полках крестное целование: «... целовали крест вору, который во Пскове называется царем Дмитрием, и боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и московских жилецких людей привел ко кресту неволею, тако же целовали крест, бояся от них смертного убийства»³⁹.

И даже имеются акты, адресованные новому самозванцу. В начале марта 1612 г. из Зарайска посадские люди написали челобитную по поводу невозможности требуемого с них возмещения убытка в кабаке и адресована эта челобитная была «царю Дмитрию Ивановичу». Поскольку у псковского «вора» не было своей приказной системы, то поступила челобитная в ополчение князя Д. Трубецкого и И. Заруцкого. Те, в свою очередь, 13 марта 1612 г. составили свою челобитную на имя «царицы Марины Юрьевны» с указанием, каково должно быть решение этого вопроса⁴⁰.

7 апреля 1612 г. в грамоте воеводы кн. Д. Пожарского с товарищами из Ярославля к вычегодцам пересказываются все основные события последних 3-х лет, в том числе о том, что Д. Трубецкой, И. Заруцкий, атаманы и казаки по всем городам писали «за своими руками», что крест целовали «без совету всей земли государя не выбирать, а вору, который ныне во пскове, и Марине и сыну ее не служить, ныне же, забыв сове крестное целование, целовали крест вору Сидорку, именуя его бывшим своим царем»⁴¹. В стране пошли многочисленные слухи и в июне 1612 г. в одной из отписок сообщается: «царь Дмитрий Иванович здрав и многолетно пришел к Москве» (по словам арзамасских людей)⁴².

Д. Трубецкой и И. Заруцкий служили в свое время Тушинскому вору – этим можно объяснить факт принесения присяги новому «царю Дмитрию». Но власть псковского самозванца признавалась не долго – уже 6 июня 1612 г. в Ярославль Д. Пожарскому прислали грамоту кн. Д. Трубецкой, И. Заруцкий, воеводы, дворяне и дети боярские, атаманы и казаки из подмосковных полков с повинной, что «крест псковскому вору целовали, назвав его царским именем, и ныне про то сыскали, что во Пскове вор не тот, что был в Тушине и Калуге, и от того вора отстали и крест меж себя целовали, чтоб тому вору не служить и впредь никого вора не затевать»⁴³.

Претендент 9: Лжедмитрий IV. Были и другие претенденты на престол, о которых известно совсем немного. Один из них получил в историографии условное название Лжедмитрий IV⁴⁴. В грамоте в Ярославль конца января 1612 г. сообщается: «А иной вор будто Дмитрий объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского вора убил, а называется будто тот вор прямой, который преж сего убит на Москве, рострига Гришка Отрепьев»⁴⁵.

Миф 1. Претендент 10: князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Гораздо позже, чем были сами выборы на царство, в 1635 г., возник слух, что сам Д. Пожарский подкупался на царство – И.Е. Забелин процитировал диалог из местнического спора князя Ромодановского и дворянина Сумина, когда Сумин в порыве брани упомянул, что брат Ромодановского, Дмитрий Пожарский «воцарялся и докупался государства ... стало ему тысяч в двадцать». Однако при допросе, учиненном после опрометчиво кинутой фразы,

³⁸ Подвиг Нижегородского ополчения ... №94. С. 174-175.

³⁹ ААЭ. Т.2. №202. С. 341-343.

⁴⁰ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. "Прямые" и "кривые" в Смутное время. СПб., 2005. Приложение №6, 7. С. 238-240.

⁴¹ ААЭ. Т.2. №203. С. 346.

⁴² Подвиг Нижегородского ополчения ... №99. С. 177.

⁴³ СГТид. Ч.2. №281. С. 597.

⁴⁴ Усенко О.Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения: Сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н. Новгород, 2012. С. 73.

⁴⁵ СГТид. Ч.2. №277. С. 585.

уверял, что имел ввиду совсем другое»⁴⁶. Ни в одном документе эпохи Междуцарствия намерения князя занять престол не прослеживаются. Напротив, Д. Пожарский даже оправдывался в некоторой степени за свое высокое положение в ополчении, говоря: «только б ныне такой столп, князь Василий Васильевич [Голицын] был здесь, и об нем бы все держались; и яз к такому великому делу мимо его не принялся; а то ныне меня ... бояре и вся земля сильно приневолили»⁴⁷.

Миф 2. Претендент 11: австрийский император Рудольф. Ошибочное название имеет документ, написанный от имени Д. Пожарского к австрийскому императору Рудольфу II 20 июня 1612 г., как «Письмо с предложением престола». Ни о каком предложении престола речи в документе нет. Вспомнив, как еще царь Федор Иванович оказал помощь Австрии в борьбе с Османской империей, Д. Пожарский обратился с просьбой к Рудольфу II «своей государской казною вспоможенье учинить ... и к польскому Жигимонту написать, чтоб от своей неправды отстал». Письмо отправил с переводчиком, без посланников, но обещал, «как будет в государстве покой и кого нам Бог даст государя, послы и посланники будут». С чего бы вдруг Дмитрию Пожарскому просить помощи у императора Рудольфа? Поводом послужило то, что из Персии с переговоров возвращался австрийский посол Аисуф с персидским послом. Послов пропустили от Архангельска морем, «береженье и корм дали» и заодно написали послание императору⁴⁸.

Миф 3. Претендент 12: «Пилиуш». Интересным фактом является то, что в период Междуцарствия европейские монархи также втягивались в череду интриг России. Так, вернувшийся от Д. Пожарского, посланник Юсуф императору Священной Римской империи Маттиасу сообщил, что на его предложение о возможном приглашении на Московское царство брата цесаря Максимилиана Д. Пожарский ответил: «примут его с радостью». Однако Максимилиан, сославшись на преклонность лет (а было ему в 1612 г. 54 года), отказался, а Маттиас тогда предложил «его цесарева отца родного брата сына Пилиуша»⁴⁹. Очевидно, речь здесь идет о Людовике V, сыне Карла, внуке Фердинанда I, который был епископом пассауским (отсюда – Пилиуш) и эрцгерцогом австрийским. В возрасте 26 лет в том же 1612 г. он принимал участие в военном имперском конфликте за владение территориями Чехии. Но в наказе российским посланникам Ушакову и Заборовскому к австрийскому императору Рудольфу факт согласия Д. Пожарского полностью отрицается: «Того мы никак не слыхали, ... и в мыслях не было из иных государств не греческие веры государя обирати ... без совету всей земли». Вероятно, это «посланник Юсуф или переводчик Еремей сами собой затеяли, хотячи у цесарского величества жалованье какое выманить», – говорится в наказе.

Претендент 13: Михаил Федорович Романов. К концу 1612 – началу 1613 г. сложилась достаточно противоречивая ситуация и с претендентами на престол, которых, несомненно, было более 13-ти указанных здесь, и с выборными силами. Существует много споров о собравшемся тогда избирательном Земском соборе, и о том, почему на престол был избран 16-летний Михаил Романов. Официальных документов, кроме итогового – «Утвержденной грамоты» – о процессе выборов не сохранилось. Исследователи руководствуются большей частью нарративными документами.

В Новом летописце говорится о «многих от вельмож желающих царем быти, подкупахуся, многим даючи и обещаючи многие дары». Но имена этих вельмож не названы, а избран был Михаил Федорович якобы единогласно – «царского роду ближний сродник»⁵⁰. Его дед, Никита Романович, был родным братом Анастасии Романовны, первой супруги Ивана IV Грозного. Его отец, Филарет (Федор Никитич Романов), пользовался большим авторитетом у казачества, став патриархом в Тушинском лагере. И хотя Филарет – далеко не однозначная личность, и в 1610 г. он выступал на стороне Боярского правительства, участвуя в посольстве под Смоленск к Сигизмунду, но воспринимался он как защитник интересов Русского государства, как мученик, ставший жертвой сначала по

⁴⁶ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 129; Сыскное дело о ссоре межевых судей, кн. В.Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сукина: 1635-1639 гг. М., 1848. 36 с.

⁴⁷ ДАЭ. Т.2. №210. С. 360.

⁴⁸ Подвиг Нижегородского ополчения... №118. С. 218-231.

⁴⁹ Подвиг Нижегородского ополчения... №162. С. 304-307.

⁵⁰ Новый летописец... С. 101.

«делу Романовых» при Борисе Годунове, затем попав в заложники к Сигизмунду III в составе посольства в 1610 г. По замечанию Р.Г. Скрынникова, Филарет предпринимал попытку посадить на трон своего 14-летнего сына Михаила еще в июле 1610 г.⁵¹

С.Ф. Платонов признавал закономерность такого исхода событий, отметив, что Михаил Федорович был единственным лицом, на котором могли сойтись обе стороны, еще не окончательно примиренные, московского общества – земство и казачество⁵².

А.Л. Станиславский, сопоставив данные «Повести о Земском соборе 1613 года» с агентурными донесениями и расспросными речами пленных и выходцев из России пришел к заключению о высокой доле достоверности «Повести». «Повесть» сообщает нам имена восьми князей – претендентов на престол: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, Д.Т. Трубецкой, И.Н. Романов, И.Б. Черкасский, Ф.И. Шереметьев, Д.М. Пожарский, П.И. Пронский. В то же время, по разысканиям А.Л. Станиславского, казаки выставляли первоначально трех претендентов: Д.Т. Трубецкого, М.Ф. Романова и Д.М. Черкасского, в то время как бояре ратовали за Карла Филиппа⁵³.

И.О. Тюменцев, опираясь на «Сказание кних ради грех...» («начальную» редакцию первых шести глав «Истории» Авраамия Палицына), «Повесть о Земском соборе» и данные «Докладной выписи о вотчинах и поместьях 1613 года», фиксирующей земельные пожалования первых месяцев правления нового царя, установил имена наиболее активных членов романовского кружка. Руководство же земского ополчения, по его мнению, тщательно подготовившее избирательный собор, допустило ряд серьезных просчетов, прежде всего выдвинув в качестве своего главного кандидата непопулярного Д. Трубецкого. Это заставило различные оппозиционные силы объединиться вокруг кандидатуры юноши, не обладавшего задатками государственного деятеля, за спиной которого в то время не было влиятельной боярской группировки, но была умело организованная Авраамием Палицыным и его помощниками агитация среди казаков⁵⁴.

Таким образом, сохранившийся материал актового делопроизводства периода Междоусобия позволяет проследить все многообразие реальных представлений о возможных претендентах на российский престол того времени: от безродных самозванцев, сочинявших легенды о чудесном спасении, до наследников королевской крови, страстно желавших расширить свои королевские земли и утвердиться за счет утопавшего в смуте Московского государства. Нельзя полностью отрицать возможный иной исход событий. Не было шансов у пытавшихся обманом захватить престол самозванцев, но всерьез рассматривалась кандидатура королевича Карла Филиппа, если бы не его малолетний возраст и не желание Густава II Адольфа самому управлять Московским государством, присоединив его к Швеции. А в титул королевича Владислава и вовсе до завершения Смоленской войны в 1634 г. включалось «избранный великий князь Московский». Выход из кризиса, предложенный Боярским правительством – признание власти королевича Владислава – не имел успеха, а только вел страну к распаду и поглощению Швецией и Речью Посполитой. Только четкое осознание необходимости единения через православие и сохранение территориальной целостности позволил земскому национально-освободительному движению решить вопрос восстановления верховной власти и единства русского государства. Избрание Михаила Романова ближайшего родственника к династии Рюриковичей – русским царем свидетельствует о силе традиционного монархического уклада.

⁵¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 129.

⁵² Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII вв. // Платонов С.Ф. Сочинения: в 2 т. Т.2. СПб., 1994. С. 486.

⁵³ Повесть о Земском соборе 1613 г./ публ. А.Л. Станиславского, Б.Н. Морозова // Вопросы истории. 1985. №5. С. 90-94.

⁵⁴ Тюменцев И.О. «Умом Миша молод, не дошел ...» Почему именно Михаил Романов стал русским царем? // Родина. 2006. №11. С. 2-7.

THE PROBLEM OF KING'S ELECTION IN RUSSIA AND ZEMSKY GOVERNMENT DURING THE INTERREGNUM: ON THE DOCUMENTARY MATERIAL

N.V. RYBALKO

Volgograd State University

e-mail: rybalko_n@mail.ru

Election of Tsar became a real challenge for the newly formed centers of Zemsky government in a difficult period for Russia – the Interregnum in 1610 – 1613 years. The article includes analysis of the possible candidates for the throne, and the circumstances in which their nomination took place.

Key words: History of Russia, king's election, the Time of Troubles, the Interregnum, zemsky government, Mikhail Romanov, King's son Vladislav, Sigismund III, King's son Carl Philipp.